

*В.В.Радаев,  
кандидат экономических наук,  
Институт экономики РАН, Интерцентр*

### **Революция разночинцев**

Мое первое, исходное утверждение звучит следующим образом: "Любые перестройки, радикальные реформы и революции в России, по крайней мере, нынешнего столетия, были и остаются, по преимуществу, делом разночинной интеллигенции". Это относилось к перевороту, начатому в 1917 г. и завершённому в середине 1930-х, относится и к перевороту середины 1980-х, еще пока незавершённому. И в том, и в другом случаях мы имеем дело с "революцией разночинцев".

О "разночинной интеллигенции" я говорю не в философском, а в социологическом смысле, рассматривая разночинцев как совокупность социальных групп — выходцев из разных социальных слоев, получивших специальное образование (в наше время, разумеется, речь идет о высшем образовании) и лишенных одновременно сколь-либо высоких властных позиций.

Как можно охарактеризовать положение основной массы разночинцев в социальной структуре российского общества? Какие общие черты несут они в себе на рубежах двадцатого и двадцать первого столетий? Разночинцы, чаще всего, заняты формально квалифицированным, но, по сути, рутинным трудом. Это в массе своей специалисты-полуобразованцы, не чуждые некоторым запад-

ным идеям (неважно, марксистским, либеральным или демократическим), усваиваемым довольно поверхностно и догматически (на это указывал еще Н.Бердяев). Это группы, имеющие относительно низкий материальный и социальный статусы, но обладающие при этом достаточно высокими aspirationами. В результате постоянно обманываемых ожиданий проблемы декомпозиции (расхождения) статусов и самооценок стоят у них, как ни у кого более, остро.

К чему стремится разночинная интеллигенция? Наиболее активная ее часть мечтает о политической власти. Основная же масса внешне держится скромнее, но страстно желает вырваться — повысить свой материальный и социальный статус. И наконец, ничто так не влечет разночинцев как свобода. Причем, скорее не "свобода для", а "свобода от": от административно-бюрократической опеки, от цензуры и идеологического контроля в целом, от прикрепленности к месту работы и жительства. И еще: разночинцев обуревают зависть — зависть к элите, к тем, кто обладает положением, властью, богатством. Но при этом они, как правило, не выучены нести за свои действия сколь-либо серьезную ответственность. Подобные качества и делают разночинцев передовым революционным отрядом.

Я ни в коей мере не хочу сказать, что названные катаклизмы не затрагивали положение и интересы прочих социальных слоев. Речь идет о другом: именно разночинная интеллигенция, среди всех прочих массовых социальных сил, была главным источником социального давления. Ее интерес был основным инициирующим интересом. И сдвиги в обновляемой социальной структуре затрагивали ее в самую первую очередь.

Рабочая же и крестьянская массы, равно как и возрастающая армия низших клерков, раскачиваются группами радикально настроенных разночинцев и используются ими как таранное орудие. Если же раскачать не удастся, массы превращаются в объект демагогических отсылок типа: "Народ нищает!", "Народ не поймет!" Социальное и экономическое положение масс в результате всех последующих перемен изменяется не слишком сильно.

Возможность для прорыва на новые рубежи открывается самим процессом одряхления старой элиты, ее возрастающей алчностью и мягкотелостью. Подготовка прорыва начинается с впрыскивания новой радикальной идеологии, которая сегодня поможет оправдать выдвигаемые требования, а завтра поспособствует утверждению новой элиты, легитимации новой власти. А сигналом к штурму становится слабость, являемая старой правящей элитой в половинчатых реформах и неудачных войнах, будь то проигранная японская война начала века или проваленная афганская война конца столетия. В результате происходит по крайней мере частичная смена элит. (Понятие элиты в данном случае я буду употреблять в чисто позиционном смысле, понимая под нею группы, занимающие высшие должностные посты, и не рассуждая, являются ли эти группы элитой с социокультурной точки зрения.)

Серьезный переворот, разумеется, не сводится к штурму Зимнего дворца или к отстаиванию Белого дома. Это процесс, длящийся, как правило, не менее десятилетия. Принципиально важно, что в ходе этого процесса новая позиционная элита приходит не одной, но двумя волнами. И есть несколько простых, классических моделей, каждую из которых, со своими условностями и натяжками, можно использовать при интерпретации наблюдаемых сдвигов.

Первая волна выносит на властные позиции группы новых лидеров. Многих из них Никколо Макиавелли мог бы назвать "львами", Макс Вебер — "харизматиками", Лев Гумилев — "пассионариями" (по крайней мере, они активно претендуют на эти роли). Это люди, обладающие достаточно яркими личными качествами, являющиеся носителями неких идей (пусть даже "завиральных" и чуждых российской почве), склонные к радикализму, часто вполне самоотверженные, совершающие в силу этого множество неизбежных и дискредитирующих их впоследствии политических ошибок.

При наступлении первой волны новой элиты начинает казаться, что и для основной массы разночинных спецов наступают лучшие времена. На время снимаются цензура и бюрократический контроль, никакой ответственности за выдаваемую продукцию (говори и делай, что хочешь). Кажется, что появляются возможности для социального продвижения. Недоученный семинарист начинает командовать фронтом, молодой научный сотрудник усаживается в кресло министра, малоизвестный дотоле экономист завоевывает пером миллионную аудиторию — возникает иллюзия сказочного, но вполне возможного взлета. И действительно, одни попадают в частично обновляемые управленческие аппараты, красуются на телеэкране в очереди к микрофону; другие могут уехать за рубеж — подучиться, подработать, пожить; третьи — пойти в независимые предприниматели.

О предпринимателях скажу особо, ибо для меня и моих коллег это предмет специального интереса. Из кого состояли первые волны новых мелких и средних предпринимателей в России 1980-х годов? По данным одного из наших опросов, не менее восьми из десяти — это люди с высшим образованием и, вдобавок, каждый восьмой еще имеет ученую степень. При этом наши предприниматели — выходцы буквально из всех социальных типов семей (от рабочих до руководителей), т.е. типичные разночинцы. Можно порадоваться, какие у нас образованные предприниматели, а можно посмотреть на это дело с другой точки зрения. И тогда окажется, что вопрос о новом предпринимательстве на этапе его становления сразу встал как одна из оборотных сторон вопроса о судьбах нашей разночинной интеллигенции.

Почему эти люди уходят в предприниматели? Проведенный нами типологический анализ мотивов показывает, что потребности профессионального роста, профессиональной самореализации остаются на втором плане. Основная же притягательная сила сосредоточена в двух типах потребностей: в стремлении к выживанию (разумеется, не в физиологическом, а в социальном смысле), и к социальному

самоутверждению, повышению своего социального статуса. Можно заключить, что для множества новых предпринимателей (вчерашних разночинцев) это, во-первых, выход в другую роль и, во-вторых, выход, судя по всему, вынужденный. Это, по сути, способ сброса накопившейся-"излишней" социальной энергии.

Но вернемся к основной разночинной массе. Когда первая волна энтузиазма откатывается назад, выясняется, что в положении большинства разночинцев не произошло особо серьезных изменений, а для многих это положение даже и ухудшилось. Те, кто остался в бюджетном секторе, имеют мизерные доходы, съедаемые инфляцией. Они и сегодня невыездные и привязаны к месту, хотя уже не идеологическими, а финансовыми причинами. Те же, кто ушел в новые предприниматели, долавливаются налогами и чиновничьим произволом. Приватизация идет мимо. Ваучеры, разумеется, не более чем насмешка. В итоге основная масса разночинцев оказывается "не у дел". А ситуация, между тем, в корне изменилась. Пассионарная энергия уже сброшена, пар выпущен.

В это самое время и приходит вторая волна перемен. Кто-то, более эмоциональный, назовет ее Термидором, кто-то, более пессимистичный, скажет, что наступает Реставрация. Но это не Реставрация в собственном смысле слова. Просто места "львов" занимают "лисы", харизматиков — бюрократы, неформальных лидеров — профессионалы аппаратной работы. На места специалистов-выскачков приходят прирожденные чиновники. Я не собираюсь обсуждать достоинства и недостатки идей Е.Гайдара, но символически совершающуюся в наши дни перемену можно представить так: Гайдара-Идею замещает Черномырдин-Порядок. С известными натяжками можно сказать, что на места пассионариев приходят субпассионарии, или люди массы. Первые "горят" поодиночке. Вторые — более прагматичны, приземленны, дают инерционной массой.

Неожиданное для всех повышение акций В.Жириновского, пытающегося разыграть из себя нового вождя-харизматика, казалось бы, идет в разрез с рисуемой нами линией. Но Жириновский как раз и есть "гений второй волны", ее знамение.

Вторая волна может приходиться без всяких революционных взрывов, но последствия ее не менее важны. Изменения в структурах власти происходят здесь путем постепенного выдавливания одних групп другими — с помощью ли аппаратных игр или посредством демократических выборов. Заметим, что сталинский "великий перелом" ведь не был ни революцией, ни контрреволюцией. При всем варварстве применяемых методов, он произошел достаточно спокойно (точнее, тихо) и постепенно.

В настоящее время происходит, таким образом, рутинизация реформаторских процессов. В чем разительное отличие двух путей — августа 1991 г. и октября 1993 г.? В первом основном действующим лицом были энтузиасты. Во втором действии разыгрывалось профессионалами (с одной стороны, армия, с другой — набравшиеся

опыта в гражданских войнах боевики). Без энтузиастов тоже дело не обошлось. Но ход событий определялся уже не ими.

Первый путч обошелся малой (и, в общем, случайной) кровью. Во втором кровь полилась рекой. Зачем понадобилась кровь? Чтобы подогреть, возбудить уходящее, ослабевающее социальное напряжение. И все равно не сработало. Даже в Москве. А в других городах и вовсе никто не шелохнулся. И хотя события 1993 г. по характеру намного более серьезны, многих из нас, признаемся, бутафория августа 1991 г. взволновала больше. Что-то изменилось. И в настоящий момент развернуть серьезные конфронтационные действия, начать новую "революцию" слева или справа могут только профессионалы. Хочется надеяться, что у революционеров немного шансов на успех.

Итак, мы в объятиях второй реформационной волны. И мой заключительный вывод содержит попытку ответа на вопрос, вынесенный в название нашего симпозиума: "Так куда же все-таки идет Россия?" Мое заключение может показаться странным на фоне многократных заявлений о кризисах, катастрофах, надвигающейся угрозе фашизма и т.д. Оно выглядит так: "Россию ожидает социальная стабилизация — стабилизация через частичные антиреформы". Я не намерен говорить о том, хорошо это или плохо. Просто идет восстановление несколько нарушенного равновесия. Данный вывод о стабилизации через частичные антиреформы лежит для меня по ту сторону оптимизма и пессимизма.